

Георгий
ВЛАДИМОВ:

В России завершился панический этап

Известия, - 1998, - 26 июля, - с. 5

Состоялась презентация четырехтомного собрания сочинений Георгия Владимова, в которое вошли его знаменитые романы «Три минуты молчания», «Верный Руслан», «Генерал и его армия» (Большая Букеровская премия 1995 года, впервые присужденная русскому эмигранту), а также рассказы и публицистические произведения. Интересно романтическая история появления этого четырехтомника, изданного рекламно-информационной группой NFQ. Но разговор наш Георгий Николаевич начал с вопроса, кто станет следующим президентом России. Сам же на него и ответил:

— Хорошо бы — женщина или генерал. Женщина не затевает войну, поскольку боится гибели своего ребенка. А генерал прекрасно представляет, что такое война. Женщина или профессиональный военный...

— Георгий Николаевич, по нынешним временам издать в России четыре тома сочинений — событие, скажем так, неординарное. Как получилось?

— Это первый опыт NFQ, а может быть, и последний. Президент группы Борис Гольдман думал издать все это за четыре месяца, а на самом деле времени ушло больше года.

— Издание просто роскошное: бумага, шрифт, обложка...

— Да, все вышло очень хорошо, если не считать одной опечатки, причем в заголовке: «История караульной собаки» — собака через «а».

Я даже не думал, что сейчас в России можно и нужно так издавать книги.

— У издателя были личные мотивы?

— Борис Гольдман позвонил мне в апреле прошлого года и напомнил, как я, уезжая в эмиграцию, пришел проститься с Еленой Георгиевной Боннэр. И там был приятель Бориса, который попросил меня надписать комплект «Нового мира» для моего горячего поклонника, то есть для Гольдмана, который до сих пор считает «Три минуты молчания» моим лучшим романом. Я надписал. Борис, бывший школьный учитель литературы, спросил, почему моих книг нет в магазинах. Я ответил, что они не залеживаются на прилавках, но и никто не торопится их переиздавать. Вот он и предложил план четырехтомника, куда я включил бы все, что пожелаю, даже статью, направленную против новых

русских, где я доказываю, что деньги не возникают из воздуха, они перекачиваются из кармана в карман.

— Вы пятнадцать лет провели в вынужденной эмиграции. Много раз вам задавали вопрос, хотите ли вернуться...

— Хочу, безусловно. Но все упирается в нелепый и уникальный случай: через месяц после эмиграции меня лишили гражданства, и под давлением властей кооператив продал мою квартиру очереднику. Наверное, если бы жилье было государственным, вернули бы. Когда состоялась букеровская церемония, я сказал, что есть эмигранты, у которых нет физической возможности вернуться. Эта фраза заинтересовала Сергея Красавченко, по инициативе которого группа писателей, включая моего оппонента Анатолия Рыбакова (ему очень не понравилось роман «Генерал и его армия»), направила письмо на имя Ельцина. Насколько мне известно, президент положительно отнесся к просьбе о возвращении квартиры. Но и все. С той поры дело не продвинулось. Все надо начинать сначала. Власть думает не о восстановлении справедливости, речь идет о благодеянии, что меня не очень устраивает...

— Россия узнаваема? Та же бюрократия...

— Россия стала симпатичнее. Внешне, по крайней мере. Изменилась.

— Новое поколение выбирает компьютер.

— А книжки они читают?

— Похоже, что нет.

— Компьютер рано или поздно поставят на место: инструмент, средство. Придет поколение романтиков.

— Себя вы считаете романтиком?

— Да, конечно. Я же из шестидесятых годов, хотя начинал в пятидесятые.

— «Три минуты молчания» — безусловно, книга романтическая.

— «Генерал и его армия» тоже.

— Вот уж не сказал бы!

— Ну вот образ генерала, который спрашивает, сколько мы должны заплатить за Россию... Это явно не прагматик.

— Этот ваш роман вызвал бурю. Вас обвиняли в симпатиях к генералу Власову, к власовцам...

— Критики набросились на журнальный вариант книги и судили о ней по четырем главам из итоговых семи. Обвиня-

ли в апологетике Власова... Это неверно. Есть пристальный интерес к этой фигуре. Оказалось, что это преследуется. Но точно так же я мог бы обвинить Анатолия Рыбакова в апологетике Сталина, поскольку у писателя есть пристальный интерес к Сталину. На самом деле меня больше интересовал не генерал Власов, а власовцы. Власов попал в плен в общем случайно. Не будь краха второй ударной армии, дослужился бы, может быть, до маршала. Жуков его высоко оценивал. А вот власовцы — это не случайность. Не может быть случайностью массовая сдача в плен.

— Это была сознательная антикоммунистическая позиция?

— Думаю, да. Ведь у людей была страшная обида: коллективизация, репрессии, лагеря. С другой стороны, нельзя модернизировать психологию того времени. Я хорошо помню начало войны, тот огромный патриотический подъем... Недаром же тогда сразу вспомнили Льва Толстого, его слова о дубине народной войны. И войну назвали Отечественной. Так и было. Разве что по социалистической привычке добавили — Великая. Чтобы отличить от войны 1812 года.

— Удастся ли следить за современной русской словесностью?

— Она сейчас рассыпана по журналам, а я читаю в основном «Знамя», целостного впечатления нет. Иногда друзья-эмигранты советуют что-то прочесть.

— И что в последнее время советовали?

— Рассказы Солженицына.

— Вы нечасто бываете в России, в Москве, однако впечатления складываются в какую-то картину?

— О России судить не могу, а вот о Москве, о настроениях... Впервые я приехал в Москву в девяностом году. Был романтический порыв, предчувствие августа девяносто первого. В девяносто пятом — панические настроения. Не эмигранты, а приехавшие из России люди советовали: Георгий Николаевич, на всякий случай возьмите с собой в Москву запасные очки — разобьют, при-

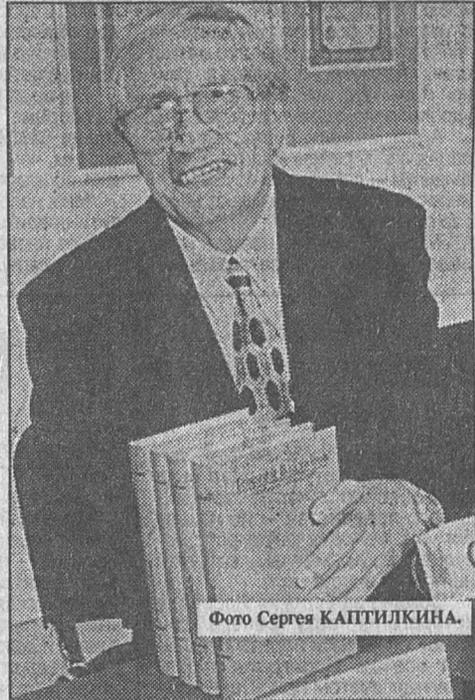

Фото Сергея КАПИЛКИНА.

стрельбе бросайтесь на землю или прячьтесь в ближайшем подъезде. Приехал — ничего подобного.

Готовя к печати этот четырехтомник, прожил в Москве два месяца, это январь и февраль девяносто восьмого, это третья Москва: успокоилась, улеглась...

— Утверждают, что Россия живет, как колониальная держава: все импортное, своего производства нет, своей жизни нет...

— В Москве я жил в районе Тишинки, напротив строился дом, сутки — этаж, быстро и красиво.

Две недели пролежал в первой глазной больнице, удаляли катаракту. Ну ладно, я там лежал по знакомству. Но я видел, как относятся врачи к другим больным. Люди, которым месяцами не платят зарплату, все равно стремятся исполнять свой долг как можно лучше, отношение к пациентам теплое, человеческое.

Приехал в Москву из теплой Германии, забыв, что в России бывают морозы. Пришлось покупать зимние вещи — шапку, куртку, ботинки. Принес домой, глянул — все российского производства. Строят, летат, шьют... Нет, не колониальная держава. Живая страна.

— Хоть и больная...

— Знаете, в эмиграции о России ходит множество легенд. Одна из самых распространенных — о смерти культуры. Но вот я побывал в театре «Эрмитаж» — полон зал. Пришел на книжную ярмарку — дождь со снегом, а у входа толпа, очередь, люди стоят за книжками, за хорошими книжками.

— Стабилизация?

— Люди пытаются понять, что произошло, что происходит, панический этап прошел, книги вернулись...

Юрий БУЙДА,
«Известия».